

Дочери, матери, жены – что известно нам о тех, кто стоял у истоков освоения нашего края?
Как справлялись наши землячки?

Среди немногочисленных источников, доживших до наших дней, исключительное значение имеют записи из архива илимской приказной избы, охватывающие период с конца XVII по XVIII век. Эти документы чрезвычайно ценны, так как они содержат информацию о повседневной жизни и хозяйственной деятельности на российской периферии, особенно выделяя мелкие аспекты быта.

В записях архива илимской приказной избы часто отсутствуют упоминания о значимых исторических моментах. Вместо этого, они погружают нас в мир мелких деталей и повседневной жизни обычных людей, открывая тем самым перспективы для понимания жизни женщин в те времена. Изучение быта женщин Сибири XVII века никогда не было объектом глубокого исследования. Исключение – статьи Н.Н. Оглоблина, посвященная женскому вопросу того периода, указывающая на ограниченность специализированных исследований в этой области. Поэтому материал собирался по крупницам сведений.

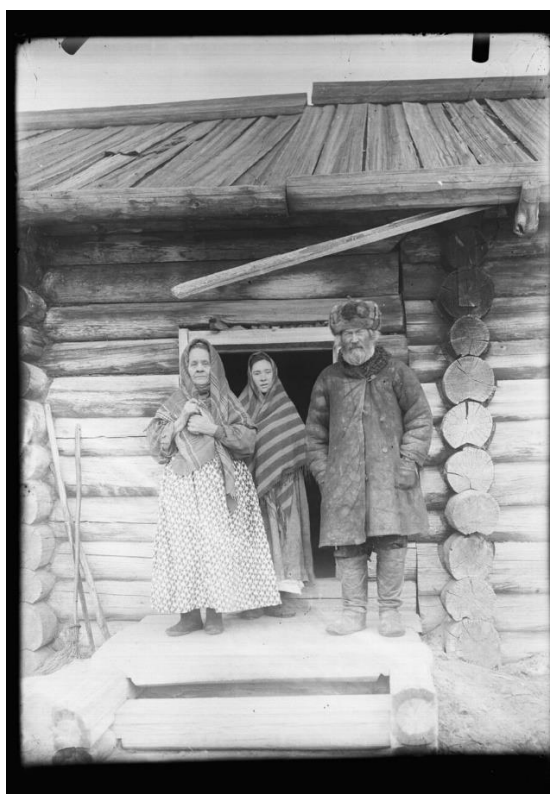
Долговременное положение крестьян, обрабатывающих землю, всегда опиралось на семейные устои. Если крестьянин потерял жену и не имел взрослых детей, его называли бобылем. С другой стороны, женщина, потерявшая мужа и не имеющая взрослых сыновей, оставалась лишь вдовой.

После смерти мужа без мужской поддержки двор часто приходил в упадок, и хозяйство забрасывалось. Молодым вдовам предписывалось вновь выйти замуж, иначе их ждала судьба стать подворной или нищей. Это объясняет, почему в списках крестьян Илимского воеводства слово «вдова» встречается редко и только как указание на то, что женщина

была женой умершего мужа, не упоминая ее собственного имени или фамилии. Это усложняло определение принадлежности двора.

Обычно, спустя один-два года, имя вдовы становится забытым, что часто свидетельствует о ее повторном замужестве или скатывании в нищету. В редких случаях, ситуацию могут исправить взрослеющие сыновья. В контрасте с этим, историю жизни большого семейного хозяйства можно отследить на протяжении почти столетия, где после смерти отца его роль наследуют сыновья, обеспечивая продолжение традиционного уклада жизни.

Особенно тяжелым было положение женщин, бывших в крепостной зависимости. Например, в Илимских документах есть упоминания про «крепостную бабу» Матрону 40 лет и «девку» Вассу 50 лет. В другом месте упоминается «дворовая баба», видимо, ненужная своему хозяину, которая «дала обязательство жить у посадского человека 5 лет за 20 рублей». Подобные практики сохранялись и в XVIII в.

«В двух делах Илимского воеводства (Россыпь, № 14, св. 2 и № 30, св. 4) имеется одна и та же запись о покупке бабы: «Генваря в 13 день (1711 года) писана купчая и поступная запись Туруханского уезду, Курейского зимовья, Бояршина роду тунгусу Агиул Чюпахин, что дал запись илимскому атаману казачью Ивану Березовскому на купленную свою бабу тунгуской породы Маяк, по руски Парасковью, что взял за нее денег у него 10 рублей. И с сей покупной записи за письмо 8 копеек взято».

Подобная практика сохранялась и позднее:

«В марте 1734 года илимская воеводская канцелярия приняла к судебному производству заявление отставного служилого Леонтея Микляева, что он купил у ясачного иноземца Бакулова «купленную ево калымную бабу», а Бакулов «бабы» не отдал».

Оставшись без мужа, женщина в XVII в. испытывала едва ли не более тяжелый гнет, чем женщина в семье. Осуждение женской социальной активности и жестокое к ним отношение – часто шли рука об руку. Решительные действия женщин в эпоху социальных конфликтов провоцировали мужскую часть населения на наделение их сверхъестественными способностями, что потом оправдывало жестокую расправу.

Тем не менее, существовали истории успеха, которые зафиксированы документально. В дальнейшем, как станет понятно – таких историй были десятки. Имена героинь, которые никто и никогда не узнает.

Впервые упоминание о женщине, главе двора, встречается в 1659 году. В окладной книге пашенных крестьян и ссыльных черкасов 1659 года в Усть-Кутской волости упомянут Агафонко Григорьев сын, который пахал государевой тяглой пашни 2½ десятины ржанных и ½ десятины яровых, против его имени сделана запись: «А полторы десятины пашет по окладу Семеновская жена Чертиха Федосьица Семенова дочь»¹. Через 17 лет землей Чертихи займется ее сыновья, которая немало труда положила поддержать хозяйство «до возрасту» ее детей.

Существовали, хотя и одиночные, часто кратковременно, дворы женщин, принявших на свои плечи дополнительную тяжесть мужского труда, «мужнюю четь», как выразительно сказано про одну из них в старых делах Илимского воеводства. Единожды женщина была признана воеводой и миром главой двора – Федорка Кривошапкина. «Пашет жена ево Федорка и всякие подати и тягло вместе с миром тянет и гоньбы подводные гоняет», - энергичная крестьянка превратилась в подлинного и полноправного пашенного крестьянина и вела хозяйство до тех пор, пока не подрос ее сын.

Существование некоторых дворов можно проследить за много лет. Вдовой, имевшей малых детей, двигало желание подрастить их, пока они не станут сами поднимать упавший отцовский двор. К сожалению, невозможно заглянуть внутрь названных дворов и рассмотреть подробнее их драматичную жизнь.

¹ Сибирский приказ. Книга 420, лл. 1-21.

В тяжелое положение попадали и вдовы служилых и посадских людей.

По подворной переписи жителей Илимского острога в 1721 году (арх. №131, св. 14) записана вдова Евдокия Парфенова дочь с 5 детьми от 8 до 17 лет. Она имела лошадь. *«А она де сирота и нищая, кормитца меж двор Христовым имянем и на тое де милостину, что выпросит в народе денег, и сено покупает».*

В эпоху до введения подушного налога женщины имели возможность возглавлять домохозяйства и выступать в роли представителей перед органами власти и обществом. Однако с изменением налоговой системы, когда началось взимание подушного налога, положение женщин-руководителей домохозяйств изменилось. Это привело к тому, что к концу рассмотренного периода женщины больше не могли занимать эти позиции, и руководить двором мог только мужчина, независимо от его возраста.

Это привело к появлению хозяйств, управляемых даже очень молодыми мальчиками или состоящих из пары мужчин разного возраста, например, дедушки и внука, где старшему 80 лет, а младшему всего пять. Такой двор существует, пашет землю, платит оброки. А кто является истинной пружиной его деятельности? Вероятно, какая-то женщина, дочь старика, мать малолетнего сына. Мы не знаем ее имени, не знаем даже – существовала ли она. Накрытая шапкой-невидимкой, она являлась в таких случаях главным двигателем жизни двора.

В переписной книге, составленной около 1728 года илимским служилым человеком Тимофеем Баженовым, записаны все крестьяне мужского пола Илимского воеводства и указан их возраст (Россыпь, №75, св. 9, конец книги утрачен).

В дер. Невонской, согласно этой книге, имелся двор Василия Антипина. Самому хозяину было 15 лет, его братьям 11 лет и 1 год.

В дер. Прокопьевской хозяин двора Клементей Кокшаров оказался 10 лет, а его братья 8 лет, 3 лет и 1 года. В дер. Малая Када во главе двора стоял 5-летний Иван Распопин, а семья его состояла из 4 братьев - 4 лет, 3 лет, 2 лет и 1 года.

Бывали случаи, когда в семье имелся более старший родственник, как 60-летний дядя во дворе Ефима Огородникова (дер. Суворова), дворохозяину было 10 лет, а братьям - 7 лет, 3 года и 1 год.

Как видно из приведенных случаев, были дворы, в которых все лица мужского пола оказывались мальчиками. Руки какой-то близкой женщины направляли хозяйственную деятельность таких крестьянских дворов. В те времена русская крестьянская женщина могла выразить свои неоценимые качества лишь оставаясь безымянной поддержкой, что было критически важно для преуспевания крестьянской семьи.

Огромная ответственность лежала на предках-женщинах Илима, включая продолжение рода, воспитание потомства и управление бытом. Эти женщины, несмотря на то что жили в тени, далеко не являлись примером «слабости». Время не изменило того факта, что мать – это уже никогда не «слабый пол».

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. — 2-е изд. — Иркутск, 2001. — 673 с.

Оглоблин Н.Н. Женский вопрос в Сибири XVII в. // Исторический вестник. — 1890. — № 7. — С. 196—207.

Соколовский И.Р. Интерсекциональность по-сибирски: дискурсивные и недискурсивные практики патриархального угнетения в XVII веке // Идеи и идеалы. — 2020. - Т. 12, № 2, ч. 1. - С. 108-123.

ⁱ Все представленные фото конца 20 века